Так победим,
или Подайте на хрустальную мечту

Наталия ЗВЕНИГОРОДСКАЯ

сти, — нонсенс. Вот почему премьеры боялись. Боялись на сцене, и это заметно было поначалу по чересчур сосредоточенным лицам артистов. Боялись в зале, где повисло напряжение той интенсивности, какую любят сравнивать с натянутой тетивой.

Напряжение не ослабевало, но постепенно, исподволь преображалось. Опасливое ожидание сменилось недоверчивым удивлением и наконец — почти дурманящим чувством триумфа. "Он может совершить чудо, и *произойдет это прямо на наших глазах*", — писал о Баланчине основатель New York City Ballet Линкольн Керстайн. Ощущение чуда в этот вечер действительно было. Но произошло ли оно на самом деле? И да, и нет.

"Агон" (1957). Плод совместной работы Баланчина и Стравинского. Заимствованные из учебника придворных танцев XVII века мелодии сарабанды, гальярды, бранля. Черно-белая униформа. Никаких декораций. Никакого смысла — в привычном для нас понимании. Баланчин говорил: "Балет — как роза. Разве кто-нибудь спрашивает, "про что роза?". Стравинский увлекался тогда додекафонией. В его "розе" 12 лепестков. 12 артистов (8 балерин и 4 танцовщика), 12 эпизодов. Трио, дуэты, паде-катры. Не привычная ни телу нашего танцовщика, ни глазу нашего зрителя стереометрия. Сложнейшие построения, головокружительные ракурсы, выламывающие трехмерные тела из трехмерного пространства. Результат — торжество гармонии. Смысл — красота в высшем ее проявлении. Это — в идеале.

Однако наскоком идеала не достигнешь. И в этом отношении чуда не произошло и произойти не могло. В Большом театре Баланчин — пока не вполне еще Баланчин. Надо бы стопы по-жестче, позы по-четче. Или вот еще. Предплечья, локти, кисти рук. *По значимости, по степени* выразительности, по богатству интонаций, а в итоге — по *формообразующей роли* в стиле Баланчина они могут сравниться разве что с искусствами Востока. Танцовщикам, для которых с малолетства по гроб жизни классические положения рук — непреложный (и что важнее — единственный) закон, не так-то легко заставить их играть. Дело не в буквоедстве. Совершенство линий и поз — сверхзадача. Если это совершенство не достигнуто, потерян и столь милый нашему сердцу смысл.

Впрочем, вечер Баланчина показал, что ситуация небезнадежна. И в этом, быть может, самая главная победа. Из напряжения и чрезмерной сосредоточенности рождались вдруг легкость, озорство, готовность

танцевать, как бы трудно ни пришлось. Азарт — мы можем! Появились графичность и дозволенное музыкой и Баланчиным кокетство. Их баланса добиться не просто. "Агон" по-гречески значит борьба, состязание. Борьбой с самими собой стал этот балет для наших артистов. Победителями вышли из нее Нина Капцова, Анастасия Яценко, Ян Годовский, Елена Андриенко, Виктор Алехин, Артем Вахтин. Не говоря уже о ведущей паре — Инне Петровой и Дмитрии Белоголовцеве. Как поется в известной песенке, никто и не ожидал.

Никто не ожидал и того, с каким блеском пройдет в Большом "Симфония до мажор". Тем, кто брюзжит, будто классический балет отжил свое (а об этом слышишь все чаще), я бы прописывала "Симфонию..." как чудодейственное лекарство — по четыре части вместо еды. Созданный в 1947 году на музыку очень ранней и малоизвестной симфонии Бизе специально для ведущих танцовщиков Парижской Оперы, балет первоначально назывался "Хрустальный дворец". Вот уж реальность, *данная нам в ощущениях*. Трудно было бы придумать название, точнее, ощутимее *представляющее саму природу* баланчинского шедевра. Вслед за аллегориями XVIII столетия наподобие какой-нибудь "Торжествующей Минервы" этот балет можно назвать "Торжествующая Терпсихора".

Четыре пары премьеров (Надежда Грачева и Константин Иванов, Нина Ананиашвили и Андрей Уваров, Мария Александрова и Николай Цискаридзе, Анна Антоничева и Дмитрий Белоголовцев), солисты, кордебалет. С успехом можно поздравить всех. Но особо хочу сказать о Марии Александровой. Величавая, без помпезности, с точеной фигурой, великолепной техникой, способностью проникнуть в тайны стиля и, что немаловажно, — с очевидной перспективой, она обратила на себя внимание еще в училище, а потом на VIII Международном конкурсе артистов балета в Москве, где завоевала Первую премию. Настоящая ballerina assoluta. В Большом театре часто сердятся на критиков, а выгоды своей не видят. Иначе, чем объяснить тот факт, что Александрова до сих пор остается на втором плане? Быть может, хотя бы после ее блистательного успеха в "Симфонии до мажор", положение изменится.

Белые пачки. Черные колеты. Четыре части — четыре правильные грани, сверкающие не вульгарным бриллиантовым переливом, а благородным блеском хрусталя. Баланчин — Монте-Кристо балетного мира, обладатель и щедрый расточитель несметных богатств. Многое потрясает в этом балете. И прежде всего темп как одна из важнейших художественных составляющих. Выдержать заданный Баланчиным *темп неимоверно тяжело*. Но именно он, и прежде всего он, рождает ощущение восторга, упоения танцем. Без него хрустальные грани рассыплются. Однако в Большом театре давно и, казалось, безвозвратно забыта вдохновенная стремительность былых времен. Даже от зубов отскакивающие балеты Петипа сегодня танцуют, точно в масле. И вдруг!

Как и в "Агоне", оркестр под управлением Александра Сотникова не играл "в ноги". И наши выдюжили. Не как бурлаки, из последних сил тянущие лямку. Когда четыре ведущие пары в окружении солистов и женского кордебалета явились зрителям в триумфальном финале, зал уже почти ревел. Конечно, при этом нельзя было ожидать безукоризненно чистого исполнения сложнейшего хореографического текста. Но стало ясно: они почувствовали вкус, они смогут. При условии интенсивной, каждодневной, беспощадной работы. И тут самого горячего энтузиазма недостаточно. Как воздух необходим специальный класс. На это нужны деньги. А денег нет. В общем, эта песня хороша, начинай сначала.

Когда-то пригласив Баланчина в США, Керстайн, отыскав богатой семьи бостонских банкиров, сказал ему: "Делайте балеты. Остальное сделаю я". Банкиры у нас есть. Остается, видимо, дождаться, пока подрастут их отпрыски.

● *Сцена из спектакля «Симфония до мажор»*
Фото А.БАРТНИКОВА